

Добротворский В. И., прот., проф. Основное богословие, или христианская апологетика: Лекции <...> // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 3. С. I–II и 1–12 (4-я пагин.). (Начало.)

ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВІЕ

ИЛИ

ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА.

ЛЕКЦІИ

ЧИТАННЫЯ СТУДЕНТАМЪ 1-го КУРСА

ХАРЬКОВСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО университета

заслуженнымъ профессоромъ

протоіереемъ

В. И. Добротворскимъ.

2-я типографія

А. И. Смирновой въ Серіевалъ Пасагъ Московск. губ.

1895.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сентября 4-го минувшаго 1894-го года редакція Богословскаго Вѣстника получила отъ заслуженнаго профессора Богословія Императорскаго Харьковскаго университета, протоіерея Василя Ивановича Добротворскаго полный курсъ его университетскихъ лекцій при слѣдующемъ письмѣ:

„Сочувствуя вполнѣ направленію редакціи Московской Духовной Академіи посылаю въ редакцію Богословскаго Вѣстника свои записки, не желая, чтобы мой трудъ послѣ моей смерти, которую я ожидаю съ минуты на минуту, пропалъ безслѣдно и чтобы кто нибудь воспользовался моими трудами безъ указанія источника. 2 сентября 94 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Богословія Императорскаго Харьковскаго Университета протоіерей *В. Добротворскій*“.

Это сочувственное письмо, на которое редакція поспѣшила отвѣтить, 9-го сентября, выраженіемъ своей искренней благодарности, дѣйствительно оказалось предсмертнымъ завѣщаніемъ, такъ какъ 13-го числа того-же мѣсяца о. протоіерей скончался.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (1894 г. № 19 стр. 458), покойный родился въ Смоленской епархіи въ 1823 г. и воспитывался въ мѣстной семинаріи. Какъ лучший воспитанникъ онъ былъ отправленъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1847 г. четвертымъ магистромъ богословія. Затѣмъ ему пришлось состоять при той же академіи бакалавромъ французскаго языка, литургики и каноническаго

права. Наконецъ, по принятіи священства, онъ съ 1857 года былъ назначенъ профессоромъ богословія въ Харьковскій университетъ, гдѣ и занималъ эту кафедру до дня своей смерти. Имя покойнаго протоіеря В. И. Добротворскаго извѣстно не только по университетскимъ лекціямъ, но и по литературнымъ трудамъ. Имъ издавался въ Харьковѣ извѣстный журналъ „Духовный Вѣстникъ“ (1862—67 годы, шестнадцать томовъ), въ которомъ самому издателю принадлежали многія научныя статьи. Кромѣ того, онъ напечаталъ два труда: „Библейская хронологія въ связи съ хронологіей древнихъ восточныхъ народовъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“ (Правосл. Обозр. 1877 г. кн. 5) и „Критическій методъ въ изслѣдованіи о книгахъ Священнаго Писанія“ (тамъ-же 1883 г. кн. 10—12).

Курсъ лекцій покойнаго о. протоіеря состоитъ изъ двухъ почти равныхъ по размѣру частей. Первую изъ этихъ частей составляетъ „Основное Богословіе или Христіанская Апологетика“, а вторую „Догматическое Богословіе“. Въ текущемъ году редакція Богословскаго Вѣстника дастъ въ приложеніяхъ къ своему журналу всю первую часть курса, которая и составитъ къ концу года особую книгу, содержащую въ себѣ полный систематическій курсъ христіанской апологетики.

ВВЕДЕНІЕ.

Наши познанія о религіи начинаются съ первыхъ проблесковъ сознательной жизни въ раннемъ дѣтствѣ. Еще не понимая смысла религіи, дитя не можетъ не замѣчать ея высокаго значенія въ жизни взрослыхъ людей; дѣтямъ въ особенности доступно понятіе о Богѣ, какъ верховномъ отцѣ всѣхъ (1 Иоан. 2, 3). Дѣти отличаются такою живостью и искренностью религіознаго чувства, что поставляются въ образецъ для другихъ возрастовъ (Марк. 10, 15). Въ школѣ мы получаемъ опредѣленные познанія о своей религіи, ея вѣроученіи и нравоученіи, историческихъ судьбахъ и богослуженіи. Эти познанія вполне достаточны для извѣстнаго возраста и степени развитія. Истины религіи всегда однѣ и тѣ-же; но познанія о нихъ бываютъ различны. Ап. Павелъ говоритъ коринескимъ христіанамъ: „какъ младенцевъ, я питалъ васъ молокомъ, а не твердою пищею, ибо вы были еще не въ силахъ (1 Кор. 3, 2). Твердая же пища свойственна совершеннымъ (Евр. 5, 14). Апостоль заповѣдуетъ всѣмъ исполняться въ познаніи воли Божіей, во всякой премудрости и разумѣніи духовномъ (Кол. 1, 9). Развиваясь умственно, умножая свои познанія, мы не можемъ довольствоваться религіозными познаніями, которыя были достаточны для дѣтскаго или отроческаго возраста, возникаютъ недоумѣнія и вопросы тѣмъ болѣе, что въ обществѣ и въ литературѣ встрѣчаемъ религіозныя ученія и возрѣнія несогласныя съ ученіемъ исповѣдуемой нами религіи, даже такія ученія, которыя направлены къ извращенію и отрицанію религіи вообще. Среди этого хаоса разнородныхъ и противорѣчивыхъ ученій и направ-

лений, нельзя иначе устоять въ истинѣ, какъ углубляя и усовершеня свои религіозныя познанія. Посвящая себя умственному образованію въ той или другой области знанія, человѣкъ не можетъ ограничиться исключительно только этою избранною имъ областью; въ ней также возникаютъ религіозныя вопросы, возбуждаютъ его умственную дѣятельность и требуютъ разрѣшенія. Самые лучшіе и серьезные умы до-христіанской древности истощаются въ усиліяхъ надъ ихъ разрѣшеніемъ, которое служило ключемъ къ уразумѣнію тайнъ бытія. Изучая исторію, нельзя не видѣть, что складъ жизни каждаго народа, его характеръ, развитіе и судьба опредѣляются характеромъ его религіи; въ общемъ ходѣ всемірной исторіи нельзя не замѣтить высшихъ законовъ, управляющихъ судьбами человѣчества независимо отъ воли человѣческой. Древнѣйшіе литературные памятники—религіознаго содержанія. Науки о человѣкѣ и человѣческихъ обществахъ неизбѣжно приводятъ къ мысли о назначеніи человѣка, о верховномъ началѣ и основахъ правды, добра, закона, обязательности и отвѣтственности предъ закономъ. Науки о внѣшней природѣ не могутъ держать мысль человѣка исключительно на одномъ частномъ и внѣшнемъ; онѣ стремятся къ объясненію начала и происхожденія міра, его общаго порядка и устройства. Что такое пантеизмъ, деизмъ, матеріализмъ, позитивизмъ, эволюціонизмъ, какъ не своего рода попытки дать такой или иной отвѣтъ на возникающіе религіозныя вопросы? Но несправедливо и ненаучно разрѣшать ихъ тѣми средствами и способами, которые употребляются въ той или другой частной научной области; они требуютъ разрѣшенія соотвѣтственно ихъ существу и характеру, слѣдовательно такой науки, для которой они составляютъ предметъ изслѣдованія, т. е. науки богословской. Эти вопросы отовсюду обращены къ намъ; нельзя не видѣть въ этомъ обстоятельствѣ одного изъ звеньевъ той связи, которая соединяетъ каждую область бытія съ Творцомъ и Устроителемъ міра и направляетъ нашу мысль къ Нему: „Камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу“? (Псал. 138, 7). Съ другой стороны, религія съ ея истинами и правилами, какъ предметъ познанія, имѣетъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ человѣку, и въ этомъ ея отличіе отъ всѣхъ другихъ

предметовъ человѣческаго знанія. Если посвятивши себя изученію той или другой специальности, человѣкъ не можетъ безъ ущерба для своего умственнаго развитія и образованія, исключительно ограничиться ею одною и не интересоваться нѣкоторыми другими науками, то тѣмъ болѣе надобно сказать это о религіи. Всѣ другія науки имѣютъ своимъ предметомъ или что-либо существующее внѣ человѣка, какъ напр. науки о внѣшней природѣ, или тѣ или другія стороны человѣческаго существа и разнообразныя области его дѣятельности. Только религія обращаетъ вниманіе человѣка на него самаго, касается самыхъ внутреннихъ и глубокихъ его потребностей и стремленій, говоритъ о высокомъ достоинствѣ его природы, о его назначеніи и судьбѣ. Человѣкъ есть существо религіозное, и въ этомъ его существенное отличіе отъ всѣхъ земныхъ тварей; только человѣкъ можетъ имѣть общеніе съ Верховнымъ, Всесовершеннымъ Существомъ, Богомъ, указывающее на безусловное превосходство его предъ ними и на высокое достоинство его природы, по которой онъ близокъ къ Верховному Существу и нуждается въ общеніи съ Нимъ для своего истинно-человѣческаго развитія, совершенства и блаженства. Находясь въ религіозномъ союзѣ и общеніи съ Богомъ, человѣкъ возвышается надъ всѣмъ тварнымъ и земнымъ къ началу и источнику всякаго бытія. Съ этой высоты раскрывается религіозное міросозерцаніе, обнимающее весь міръ и человѣка, ихъ начало, теченіе жизни и будущія судьбы. Религія изображаетъ ему идеаль совершенства не въ фантастическихъ призракахъ и отвлеченныхъ представленіяхъ, но въ ученіи о вѣчно-Сущемъ и живомъ Богѣ и вводитъ въ союзъ и общеніе съ Нимъ. Находясь въ этомъ союзѣ, человѣкъ никогда не остается одинокимъ и безпомощнымъ въ мірѣ, никогда не дѣлается рабомъ вполнѣ и безусловно зависящимъ отъ внѣшняго міра; предъ нимъ и съ нимъ Верховный Отецъ всѣхъ, Который не безучастно относится къ нему, какъ слѣпая судьба или неумолимый законъ механической необходимости, но запечатлѣваетъ въ его умѣ знаніе о Себѣ, указываетъ ему путь жизни, изначала начертанный на скрижаляхъ совѣсти и ведетъ къ совершенству и благу.

Для насъ русскихъ людей, въ особенности для посвя-

тившихъ себя научному образованію, существуетъ необходимость изучить свою національную религію по характеру нашей національности и состоянію нашей научной образованности. Во весь періодъ древней Руси, до Петра В., православно-христіанская вѣра была единственнымъ идеаломъ, по которому устроилась жизнь русскаго народа; она служила опорю его самостоятельности, источникомъ его силы и несокрушимости, основою его могущества. Со времени Петра В. мы стали знакомиться съ научнымъ образованіемъ, заимствуя его отъ другихъ народовъ. Съ этого времени въ нѣкоторой части народа замѣчается измѣненіе отношеній къ своей религіи. Но вполне усвоить себѣ научное образованіе не иначе возможно, какъ поставивъ его въ такую связь съ исповѣдуемой религіей, которая служитъ основою нашего національнаго характера и составляетъ нашу особенность отъ другихъ народовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ живой союзъ научнаго образованія съ нашею національною религіей есть единственное условіе для распространенія научныхъ знаній и во всѣхъ слояхъ народа, которыя доселѣ чужды ихъ. Въ виду всего сказаннаго о необходимости углубленія и усовершенія религіознаго знанія для людей, посвятившихъ себя научному образованію, — для нихъ избирается изъ обширнаго круга богословскихъ наукъ такая богословская наука, которая преимущественно предъ другими способствуетъ образованію и утверженію въ умахъ православно-христіанскаго міросозерцанія, излагая ученіе о Богѣ и объ отношеніи Его къ міру и человѣку. Это — наука Догматическаго Богословія. Но невозможно излагать содержаніе этой науки безъ предварительнаго изслѣдованія о религіи вообще, ея основаніяхъ какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ и внѣ его, о способахъ богопознанія и убѣжденія въ безусловномъ достоинствѣ христіанской религіи и о другихъ предметахъ, составляющихъ вообще содержаніе введеній въ науку. Въ виду разнообразныхъ религіозныхъ и противорелигіозныхъ ученій и воззрѣній сдѣлалось необходимымъ изслѣдовать вообще ученіе о религіи съ одной стороны съ большею полнотою, а съ другой съ разборомъ разнообразныхъ религіозныхъ и противорелигіозныхъ ученій и воззрѣній. Такимъ образомъ произошла особая богословская наука, извѣстная подъ именемъ Основнаго

Богословія, по своему содержанию, или Христианской Аполлогетики, по своимъ приемамъ и способамъ изслѣдованія содержанія, въ связи съ разнообразными воззрѣніями и направленіями. Названіе Аполлогетики восходитъ къ первымъ вѣкамъ Христианства (*ἀπολογία* — защита). Христианскіе аполлогеты защищали и доказывали истинность христианской религіи противъ возраженій и нападокъ на нее со стороны греко-римскихъ язычниковъ и іудеевъ. Сочиненія ихъ извѣстны подъ именемъ „апологій“, выясняютъ только тѣ стороны христианскаго ученія, противъ которыхъ направлялись возраженія, и разбираютъ только тѣ религіозныя воззрѣнія и ученія, которыя господствовали въ греко-римскомъ мірѣ; потому у древнихъ аполлогетовъ (св. Іустинъ философъ, Мелитонъ, Минуцій Феликсъ, Теофилъ, Тертуллианъ и др.) не встрѣчаются ни обзорнія другихъ противохристианскихъ воззрѣній, ни изложенія общаго ученія о религіи, излагаемаго въ Основномъ Богословіи. У болѣе позднихъ христианскихъ аполлогетовъ, каковы: Климентъ Александрійскій, Оригенъ, св. Леанасій Александрійскій, Θεодоритъ Кирскій, блаженный Августинъ, излагается общее ученіе объ основныхъ христианскихъ истинахъ. Кругъ христианской аполлогіи постепенно расширяется, когда она стала направляться противъ іудеевъ, магометанъ и язычниковъ; таково сочиненіе Гуго Гроція (1645) „*de veritate religionis Christianae*“. Аполлогетика принимаетъ болѣе и болѣе научный характеръ, когда выступаетъ противъ различныхъ видовъ невѣрія, возникшаго въ христианскихъ обществахъ, въ Англіи, Франціи и Германіи. Въ Англіи противъ деизма образовалась въ XVII вѣкѣ цѣлая школа писателей и аполлогетовъ; во Франціи противъ раціонализма и матеріализма наиболѣе извѣстны аполлогеты: Паскаль, Бонне и Шатобрианъ. Въ школѣ защитниковъ христианства являются такіе представители науки, какъ Ньютонъ, написавшій толкованіе на книгу пророка Даніила и Апокалипсисъ противъ раціоналистическихъ воззрѣній на эти книги, Галлеръ анатомъ и фізіологъ, Ейлеръ († 1777 г.) и другіе. Въ первой половинѣ настоящаго вѣка Аполлогетика получаетъ научный характеръ преимущественно въ Германіи; она излагаетъ основы религіи и основныя истины Христианства въ связи съ философскими воззрѣніями вообще на религію и въ част-

ности на христіанскую, разбираетъ ученія деизма, пантеизма, матеріализма, позитивизма и др. Апологетика излагается различными способами; она сохраняетъ характеръ „Введенія“ въ богословскія науки, или Основнаго Богословія (Эбрардъ, Фойгтъ). Иногда въ Апологетикѣ излагаются вмѣстѣ съ ученіемъ о религіи и основные догматы христіанскаго вѣроученія (Лютардъ, Деличъ), — всѣ или только нѣкоторые. Наша богословская литература, оригинальная, имѣетъ тотъ же характеръ: она является или въ формѣ обширнаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ (Митрополита Макарія), или въ связи съ нѣкоторыми догматами (проф. С.-П. Дух. Академіи К. Рождественскаго 1883 г.).

Наша наука излагаетъ свое содержаніе по слѣдующему плану:

I) Ученіе о религіи, — о ея основахъ какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ и внѣ его (естественное откровеніе Бога).

II) О Божественномъ Откровеніи сверхъестественномъ, о религіяхъ языческихъ, о первобытной религіи, о признакахъ сверхъестественнаго открытія и о способѣ его сообщенія человѣку.

III) О Священномъ Писаніи, священномъ преданіи, какъ источниковъ богооткровеннаго ученія и о Церкви, какъ его хранительницѣ и провозвѣстницѣ.

О Религіи.

Древнѣйшее филологическое объясненіе слова религія принадлежитъ Цицерону, который производитъ его отъ „relegere“ — перечитывать, тщательно наблюдать. По смыслу этого объясненія религія, соотвѣтственно практическому характеру римлянъ, означаетъ благоговѣйное отношеніе къ Божеству, тщательность въ исполненіи предписаній касательно богопочитанія. Это объясненіе касается главнымъ образомъ отношенія человѣка къ Богу. Лактанцій, жившій въ IV вѣкѣ, производитъ это слово отъ „religare“ — связывать, и объяснялъ религію, какъ союзъ богочестія, т. е. союзъ Бога съ человѣкомъ (Deo religati sumus). „Religio“ производится у него отъ „religare“ какъ „optio“ отъ „ortare“. Многіе новѣйшіе изслѣдователи соглашаются съ Ци-

церономъ, производя слово „religio“ отъ санскритскаго корня „lok“; religio— благоговѣйное чествованіе. Объясненіе Лактанція имѣетъ отношеніе къ истинной религіи, какъ дѣйствительному союзу Бога съ человѣкомъ, тогда какъ Цицеронъ и новѣйшіе толкователи разумѣютъ подъ словомъ религія чествованіе высшаго существа, или того, что человѣкъ признаетъ святынею для себя. Въ священномъ писаніи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ употребляются наименованія истинной религіи: завѣтъ, общеніе, благочестіе (*εὐσέβεια*) и другія, указывающія на дѣйствительный союзъ Бога съ человѣкомъ. Слово религія въ смыслѣ Цицерона одинаково относится какъ къ религіи истинной, такъ и ко всѣмъ другимъ (ложнымъ).

Исторія всѣхъ безъ исключенія религій показываетъ, что существенную принадлежность каждой религіи составляютъ: а) увѣренность въ дѣйствительномъ бытіи Бога, какъ Верховнаго Личнаго Существа; безъ этой увѣренности нѣтъ религіи, слѣдовательно одни наши представленія о Богѣ, самыя возвышенныя, суть выраженія одной только стороны этого союза—человѣческой (субъективизмъ) и потому сами по себѣ еще не составляютъ религіи. б). Одно признаніе бытія Верховнаго Существа также еще не составляетъ религіи (деизмъ). Во всѣхъ религіяхъ выражается увѣренность не только въ бытіи Божіемъ, но и въ отношеніи Бога къ человѣку, въ общеніи Его съ человѣкомъ; поэтому признаніе Божественнаго Откровенія составляетъ вторую коренную черту каждой религіи. с). Человѣкъ, съ своей стороны, выражаетъ свои отношенія къ Богу, принимаетъ Его откровеніе, устрояетъ по нему свою жизнь, обращается къ Богу съ молитвою и приноситъ жертвы; эти отношенія, начинаясь внутри человѣка, въ его помыслахъ, чувствахъ и стремленіяхъ, выражаются въ его свободной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ религія называется свободнымъ союзомъ человѣка съ Богомъ, въ отличіе отъ той связи, или зависимости отъ Бога, въ которой состоятъ всѣ твари по самому своему бытію. d). Религія есть союзъ общественный, союзъ Бога не съ тѣмъ или другимъ человѣкомъ, а съ избраннымъ Имъ лицомъ (Адамъ, Моисей, совершеннѣйшее откровеніе—Господь Іисусъ Христосъ) и чрезъ нихъ со всѣми людьми; поэтому и откровеніе дается всѣмъ людямъ.

Поэтому-то религія служитъ глубочайшимъ основаніемъ общественнаго союза между людьми. е). Пятый существенный признакъ религіи — увѣренность человѣка въ достиженіи совершенства и блаженства въ союзѣ съ Божествомъ. Всеобщность религіи, существованіе ея у всѣхъ народовъ и во всѣ времена есть фактъ, неопровержимо свидѣтельствуемый какъ древними такъ и новѣйшими изслѣдованіями и извѣстіями о состояніи рода человѣческаго. Исторія застаётъ религію уже существующею въ родѣ человѣческомъ. Такъ, Плутархъ говоритъ, что есть народы, не имѣющіе храмовъ, городовъ, ни школъ, ни законовъ, но нѣтъ народа, который бы не имѣлъ религіи. Еще раньше этого Гомеръ сказалъ: „всѣ люди нуждаются въ божествахъ“ (Одис. III. рапс. 48). Изъ новѣйшихъ Росковъ, Тэйлоръ въ соч. „о первобытной культурѣ“ также утверждаетъ, что религія есть у всѣхъ, даже самыхъ дикихъ племенъ. Нѣкоторые путешественники отрицаютъ этотъ фактъ, говоря о дикихъ племенахъ, будто бы не имѣющихъ религіи; но они сами противорѣчатъ себѣ, когда упоминаютъ о волшебствахъ у этихъ племенъ. Волшебство уже указываетъ на признаніе нѣкоторой силы, сверхъестественной, невидимой, могущественно-дѣйствующей въ мірѣ. Уже на основаніи факта всеобщности религіи въ родѣ человѣческомъ можно судить, что религія составляетъ существенную принадлежность человѣка, неотдѣлимую отъ его природы. Человѣкъ есть существо религиозное; онъ безъ религіи быть не можетъ по существу своей природы; поэтому вопросъ о началѣ религіи есть вопросъ не историческій, о томъ, какъ произошла религія, а вопросъ богословско-философскій объ основахъ ея какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ и внѣ его. Между тѣмъ существовали и существуютъ воззрѣнія, отрицающія существенную ея принадлежность природѣ человѣка, имѣющую свои основы въ самомъ его существѣ. Изъ этихъ воззрѣній одни пытаются объяснять происхожденіе религіи изъ случайныхъ обстоятельствъ, совершенно внѣшнихъ по отношенію къ потребностямъ человѣческой природы; а другія стараются приурочить существованіе религіи къ извѣстной, самой низшей степени развитія человѣка; слѣд. признаютъ религію явленіемъ временнымъ и преходящимъ. Въ настоящемъ мѣстѣ скажемъ о первомъ воззрѣніи. Сюда относятся:

а) древніе эпикурейцы, которые говорили: „*Timor fecit deos*“, а за ними нѣкоторые изъ новыхъ (англійскіе деисты). Но грубые язычники боготворили не одни только грозныя явленія природы, а и благотворныя для нихъ; страхъ побуждалъ язычниковъ умилостивлять грозныя божества жертвами; изъ одного страха нельзя объяснить представленія о божествахъ грозныхъ и вмѣстѣ милостивыхъ къ человѣку.

б). Воззрѣніе грека Евгемера (3 в. до Р. Х.): онъ объяснялъ происхожденіе греческой мифологіи изъ обоготворенія умершихъ царей. Объясненіемъ Евгемера пользовались многіе изъ древнихъ христіанскихъ апологетовъ въ обличеніи языческихъ заблужденій. Но надо замѣтить, что мифы язычниковъ развиваются не изъ жизни умершихъ людей, а изъ религіозныхъ представленій, которыя уже есть у человѣка, и только прилагаются имъ къ умершимъ, равно какъ и ко многимъ другимъ предметамъ религіознаго чувствованія у язычниковъ.

с). Воззрѣніе Герберга Спенсера такъ объясняетъ происхожденіе религіи: дикарь замѣчаетъ, что душа временно оставляетъ тѣло во снѣ и витаетъ въ другихъ мѣстахъ, занимаясь напр. охотою на звѣрей и проч.,—въ обморокѣ душа оставляетъ свое тѣло на болѣе долгое время,—а въ смерти оставляетъ его навсегда; отсюда—увѣренность въ существованіи души независимо отъ тѣла, или въ безсмертіи; далѣе—обоготвореніе умершихъ предковъ, благодѣтелей, царей. Въ сущности воззрѣніе это сходно съ воззрѣніемъ Евгемера. Всѣ разсмотрѣнныя нами попытки объяснить происхожденіе религіи не изъ существа природы человѣка, а изъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ его жизни, выходятъ изъ одного общаго имъ воззрѣнія матеріалистическаго. Матеріализмъ отрицаетъ въ природѣ человѣка бытіе души, какъ самостоятельнаго, существенно-отличнаго отъ тѣла начала, и относитъ душевныя явленія къ тѣлу человѣка, какъ ихъ началу и причинѣ. Признавая матерію началомъ всего существующаго и отвергая бытіе души, матеріалисты думаютъ опираться въ своемъ ученіи на естествознаніе. Но естественныя науки въ своихъ изслѣдованіяхъ не идутъ далѣе того, что доступно внѣшнему опыту и наблюденію, ограничиваются познаніями явленій внѣшняго міра, ихъ причинъ и законовъ,—тогда какъ матеріализмъ далеко выходитъ за предѣлы этихъ познавательныхъ средствъ

и рѣшаетъ вопросы о началѣ міра, вообще о предметахъ недоступныхъ для внѣшняго наблюденія. Матеріализмъ извѣстенъ былъ въ древности, какъ практическое направленіе жизни человѣка; еще въ книгѣ Премудрости Соломона говорится о людяхъ, разсуждавшихъ такъ: „самослучайно рождены есмь и по семь будемъ, яко не бывше, дымъ дыханіе въ ноздрехъ нашихъ... пепель будетъ тѣло, и духъ нашъ разлѣтается, яко мягкій воздухъ. Приидите, насладимся настоящимъ благихъ (Прем. 2, 2 и дал.). Матеріализмъ теоретическій замѣчается у древнихъ греческихъ философовъ, особенно у Демокрита и Эпикура; въ XVIII вѣкѣ онъ господствовалъ у французскихъ энциклопедистовъ. Въ концѣ первой половины настоящаго столѣтія онъ получаетъ развитіе въ Германіи, какъ противовѣсъ крайнему развитію идеализма. Матеріализмъ имѣетъ нѣсколько видовъ. Здѣсь мы остановимся на разсмотрѣніи двухъ его видовъ: грубомъ и тонкомъ, который иначе называется эволюціонизмомъ. По ученію грубаго матеріалиста Фохта, душа не есть какое либо самостоятельное начало, а только собирательное имя для обозначенія различныхъ отправленій, свойственныхъ нервной системѣ вообще, въ особенности мозгу. „Мысль, говоритъ Фохтъ, есть выдѣленіе мозга“. Но это грубое объясненіе не стоитъ опроверженія; такого физическаго выдѣленія нѣтъ въ мозгу. Такіе матеріалисты относятъ душевныя явленія не прямо къ матеріи, а къ силѣ, свойственной матеріи и дѣйствующей по законамъ механической необходимости. По ученію этихъ матеріалистовъ явленія механическія переходятъ, превращаются, или трансформируются въ явленія тепловыя, свѣтovyя, электрическія, магнитныя, химическія и психическія. Но если, какъ говорятъ они, въ мірѣ существуетъ только движеніе, а явленія тепла, свѣта и пр. суть только ощущенія нашихъ органовъ чувствъ, когда движеніе достигаетъ извѣстной напряженности, то всѣ эти явленія субъективныя, призрачныя? Нельзя не видѣть въ этомъ противорѣчія въ тонкомъ матеріализмѣ. Но понятіе о матеріи сводится къ понятію объ атомѣ, которому нельзя приписать никакой силы, никакихъ свойствъ. Сила обнаруживается въ матеріи только тогда, когда матеріальныя частицы вступаютъ въ соотношеніе между собою, — (сила тяготѣнія, напр., уже предполагаетъ

различную плотность матеріальныхъ частей). Если бы мысль была необходимымъ проявленіемъ физической силы, то и сама была бы необходима, потому не было бы различія между истиною и ложью, не было бы разнообразія мыслей и убѣжденій при одинаковомъ фізіологическомъ устройствѣ,—или же невозможно было бы соглашеніе между людьми и переходъ отъ одного убѣжденія къ другому. Средства убѣжденія должны были бы быть механическія, а не духовныя. Въ 4-хъ, явленія механическія, тепловыя, свѣтovyя и проч. замѣчаются въ каждой массѣ вещества, а душевныя только въ человѣкѣ.

Матеріалисты указываютъ на источникъ нашихъ познаній въ смыслѣ сенсуализма: „изучающій природу, говорятъ они, знаетъ только тѣла и ихъ свойства, посредствомъ внѣшнихъ чувствъ (sensus). „Nihil est in intellectu, quod nisi prius fuerit in sensu“. Это основное положеніе сенсуализма. Конечно внѣшнія чувства—необходимыя условія для познанія внѣшняго міра; но сами по себѣ они еще не даютъ познанія о немъ; впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, получаемыя посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, случайны, отрывочны, беспорядочны, безсвязны. Отдѣлить сходныя между собою отъ несходныхъ, главное и существенное отъ второстепеннаго и случайнаго, найти между ними связь и отношеніе, привести въ порядокъ, сообщить цѣлость и полноту,—это не дѣло внѣшнихъ чувствъ; это дѣло разума, который не есть *tabula rasa* (выскобленная доска), на которой внѣшнія впечатлѣнія сами собою распределяются въ порядкѣ, необходимомъ для познанія внѣшняго міра. Впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ представляютъ собою матеріаль, обрабатываемый разумомъ по законамъ свойственной ему познавательной дѣятельности; изъ отдѣльныхъ частныхъ представлений онъ составляетъ понятія, сужденія, умозаключенія, создаетъ теоріи, образуетъ стройную систему познаній. Еще Лейбницъ ограничилъ основное положеніе сенсуализма: *nihil est in intellectu, quod nisi prius fuerit in sensu*, прибавивши: *nisi intellectus ipse* (кромѣ самого разума).

Разумъ—внутренняя сила, присущая человѣку, сила не матеріальная, а духовная; дѣятельность этой силы во всѣхъ подробностяхъ наблюдается не какимъ-либо внѣшнимъ, а внутреннимъ чувствомъ, или самосознаніемъ. Вотъ источникъ познаній о душѣ и душевныхъ явленіяхъ.

Тонкіе матеріалисты, или эволюціонисты, подробнѣе раскрываютъ процессъ познанія, который они приписываютъ не разуму, какъ особому внутреннему дѣятелю, а силѣ, дѣйствующей по законамъ механической необходимости (Тэнъ, Спенсеръ). Во внѣшнемъ мірѣ, говорятъ они, существуетъ движеніе, которое, черезъ наши внѣшнія чувства передается нервной системѣ (въ частности мозгу), превращается въ душевное движеніе и выражается въ разнообразныхъ формахъ душевныхъ явленій. Явленія мозговья и явленія душевныя—результатъ одного и того-же движенія (механическаго), подобно тому, какъ одна и таже кривая линия есть выпуклая со внѣ и вогнутая изнутри. Сначала производится ощущение, которое сопровождается представленіемъ. Одно представленіе смѣняется другимъ, но ни одно изъ нихъ не исчезаетъ; представленія сохраняются въ памяти, сочетаются между собою по законамъ ассоціаціи идей, т. е. по единству мѣста, времени, противоположности. Представленія, сохраняющіяся въ памяти, не имѣютъ своей первоначальной живости и ясности; они являются блѣдными и тусклыми образами внѣшнихъ предметовъ, когда-то прежде воспринятыхъ ощущеніемъ; таковы наши общія представленія или понятія. Разнообразно сочетаясь между собою, они составляютъ все содержаніе умственнаго міра человѣка, всю сумму его познаній. Но, во-первыхъ, самъ Тэнъ говоритъ, что душевныя движенія непосредственно доступны нашему сознанию, а механическія движенія наблюдаются, какъ внѣшніе предметы. Во-вторыхъ, иное дѣло предаваться безотчетному теченію мыслей, а совершенно иное—соображать и строго обдумывать; иное дѣло—праздная мечтательность, и иное—правильный логическій ходъ мышленія, требуемый всякимъ серьезнымъ дѣломъ, а въ особенности научнымъ изслѣдованіемъ. Нельзя не указать также на ту странность, что эволюціонизмъ, признавая существованіе цѣлой группы явленій психическихъ, лишаетъ ихъ того реальнаго значенія, какое во всякомъ случаѣ все-таки признаетъ за другими группами. Вступая въ группу явленій душевныхъ, сила вступаетъ въ міръ призраковъ, иллюзій, чуждыхъ дѣйствительности. Таковы, по ученію эволюціонизма, наши идеи истины, добра и др.

Матеріализмъ утверждаетъ полную зависимость душев-